

Влада Дизик

Подкаблучник

Чувствую, под каблуком что-то мягкое, смотрю – мужчина. Неловко так стало поначалу. Рот открыла прощения попросить, а он сам извиняется. Ну я простила, конечно. Сначала подумала: «За что, собственно? В чем его вина? Это же я задний ход, так сказать, включила». А потом понимание пришло: ну видит же, что я появилась. Так чего с дороги не ушел? Сам виноват.

Но ничего, главное, что вину эту самую осознает, значит, не совсем потерянный. Вот извинения и просит!

Пока мысль свою сама себе формулировала, в правильное русло, так сказать, укладывала, совсем про мужичка и забыла. Спихватилась и аж вздрогнула: «Что же он там, бедненький? Ничего ли не повредила? Каблук-то острый, высокий. Ногу могла зацепить. А если вдруг?.. Ой, ужас какой!».

Мысль-злодейка! Аж в жар меня бросила. Таких картинок накрутила! Стою, повернуться туда, к каблуку, боюсь. А не повернуться тоже страшно. И мужичок-то вроде не кричит, как если бы болело что сильно. Хорошо, значит, обошлось. А вдруг не кричит, потому что уже и крикнуть не может – сил нет от боли или шок этот, как его там? Болевой?

Ну с силами собралась, глаза зажмурила, как в детстве, когда мамину любимую вазу разбила, и кажется, что если осколков не увидишь, то и не было этого. Повернула голову назад и медленно сквозь ресницы подглядываю, глаза по очереди приоткрываю не спеша. А что спешить? Поздно спешить. Если уж раздавила что мужичку этому невезучему, то ничего уже не исправить. А если обошлось, то и дело с концом. Смотрю, лежит смирно так, ни конечностями не дергает, ни к помощи

не взывает. Вообще не шевелится. Точно обморок! Я ногу из туфли вытащила аккуратно, чтоб минимум движений, естественно: вдруг проникающее ранение нанесла. А каблук как раз место это пережала, вот и кровь не хлещет. А подниму ногу, каблук из раны вытащу – и начнет мужичок кровь эту самую терять фонтаном.

Стоять неудобно стало – вторая нога на каблуке так и осталась. Как только это Золушка туфельку потеряла? Каблук у нее точно не был тринадцать сантиметров. А то я бы посмотрела, как она бежала бы хромоножкой в одной по лестнице в карету. В сказке нам про это не рассказали. В общем, и я, как та колченогая Золушка. Пришлось от второй туфли освободиться. Стою босиком, пол холодный. Так и до простуды какой недалеко. А делать нечего. Присела пониже, чтоб мужика лучше рассмотреть. Да и каблук как-то вытаскивать надо – туфли хорошие, дорогие, новые совсем, второй раз надела. А теперь поди в крови все выпачкивались. А вдруг кровь у него заразная? И что делать? Так не оставишь.

Склонилась над телом, прислушалась – храпит, ей-богу! Уснул, нахал. То есть пока я тут сокрушаюсь, что человека убила, он себе поспать решил. Пригрелся, расслабился и дремлет. Правильно! Что время зря терять?

А пока каблук вынимала, присмотрелась: глаза сами на лице остановились – за нос зацепились: он у него такой прямой, крупный – что это там значит?! Ничего мужичок, симпатичный. Лицо такое интеллигентное, черты тонкие, лоб высокий – умный, видеть. И улыбка такая хорошая – он как раз растянул ее непроизвольно: приснилось, наверное, что-то приятное. Ну и хорошо, значит, не больно ему. Подняла туфлю свою, а он даже не пошевелился. У меня аж от сердца отлегло: ни крови никакой, ни царапины – весь целехонький. Но это на видимых местах. А под одеждой что? Не буду же я с него штаны стягивать – подумает еще чего. И правильно подумает: если б с меня какой-то мужик незнакомый стал юбку снимать, пока я сплю?!

«Выхода нет, бужу!» – твердо решила. Словами попробовала – бесполезно. За плечо тихонечко тронула – никаких сдвигов.

А может, ему все же плохо?!

Я пальцем аккуратно по щеке провела – щетина легким ежиком, не колючая, приятная такая, с рыжинкой. К носу ладонь поднесла, чтоб дыхание проверить, а пальцы холодные – не ощущают. Я щекой приблизилась – она-то наверняка почувствует. И почувствовала... поцелуй. Теплый такой. Так приятно стало, что даже не возмутилась в первый момент. Это уж потом наглецом его назвала, руку занесла пощечиной трехдневную его небри-тость окатить. А он запястье обхватил своей сильной ладонью. И не больно, даже нежно, но очень решительно, по-мужски. И все мои аргументы оставил позади.

Что ж, выходит, никаким он не подкаблучником оказался. Прием такой придумал. А я-то, дура несчастная, и поддалась. А чего дура, собственно? И не несчастная вовсе, а очень даже счастливая... теперь!

